

родской общины¹⁷. Аренда ремесленниками и торговцами муниципальных помещений и мест, строительство на внутригородской земле, являвшейся собственностью города, — все это очень тесно связывало жизнь и деятельность значительной части населения города с античной городской организацией. Известно, что постройки, возводившиеся частными лицами без разрешения на городской земле, являвшейся собственностью города, согласно закону, становились собственностью последнего¹⁸.

Некоторые земли в городе являлись частной собственностью; они продавались и передавались по наследству, город не получал с них платежей. Преобладали, однако, земли, принадлежавшие самому городу. Использование их контролировалось муниципальной организацией: она давала разрешение и определяла характер пользования ими, диктовала условия застройки, если давала разрешение на строительство. Построивший становился собственником здания, но земля, на которой оно стояло, продолжала оставаться собственностью города, и владелец строения, как держатель участка, на котором находилась его собственность, вносил соответствующие платежи городу¹⁹.

Эта внутригородская собственность обеспечивала эффективный контроль городской общины, ее реальное руководство в деле муниципального строительства и благоустройства. Строительство великолепной разветвленной системы общественного водоснабжения, цистерн, фонтанов, общественных бань и других подобных сооружений в наиболее удобных для этого местах и было возможно потому, что большая часть пригодных для этого участков являлась собственностью городской общины и могла использоваться ею.

Таким образом, когда речь идет об античном и позднеантичном городе, мы не можем не считаться со значением как «внешней», внегородской (преимущественно земельной) собственности, так и «внутренней», внутригородской. Если «внешняя» в основном обеспечивала главные поступления городской общины — деньги, продукты, часть необходимых материалов, обеспечивала реальный контроль и влияние (благодаря массе контролируемых ею мелких и средних муниципальных землевладельцев, наличию собственных муниципальных запасов продуктов) муниципальной организации на городском рынке, его известную стабильность, стабильность снабжения города²⁰, то вторая в большей мере обеспечивала поддержание городского «вида» жизни, городского облика античного города со всеми присущими ему особенностями и отличиями.

Думается, что этот вопрос немаловажен для изучения и более правильной оценки характера социальных отношений и движений в городе. Их часто не рассматривают через призму внутривосполненных отношений и связей. А между тем последние играли немалую роль. По мнению П. Пети, симпатии Либания к антиохийским хлебопекам основывались на том, что они в массе своей сохранили приверженность к язычеству²¹. Но если мы учтем, что они были чрезвычайно тесно связаны с муниципальной собственностью (аренда городских мельниц и других муниципальных имуществ), с муниципальной организацией, куриалами (поставки зерна, дров, установление цен и т. п.)²², то станет ясной их более тесная связь со всей позднеантичной полисной организацией, ее имуществами и интересами, а соответственно — и причины симпатии Либания, борца за

¹⁷ См., например: CJ, XI, 70(69): *vel domus vel ergasteria iuris civilis* и др.; CTh, XV, 1, 9; Nov. Th., 23.

¹⁸ CTh, XV, 1, 9.

¹⁹ CJ, VIII, 11(12), 3.

²⁰ См., например: Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации хлебопек в Антиохии IV в. — ВДИ, 1965, № 1.

²¹ P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche aux IVe siècle après J. C. Paris, 1955, p. 131.

²² Г. Л. Курбатов. К вопросу о корпорации хлебопек..., стр. 142—153.